

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»
Институт социально-гуманитарных наук
Кафедра русского языка и литературы

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ
Заведующий кафедрой, д. ф. н., проф.
_____ Е. В. Пономарева
« _____ » _____ 2019 г.

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ПОЭЗИИ Ч. МИЛОША НА РУССКИЙ ЯЗЫК: ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
ЮУрГУ 45.03.01.2019.406.ПЗ ВКР

Руководитель, к. ф. н., доцент
_____ Д. А. Пелихов
« _____ » _____ 2019 г.

Автор
студент группы СГ-409
_____ Н. Н. Егорьева
« _____ » _____ 2019 г.

Нормоконтролер, преподаватель
_____ Л. В. Выборнова
« _____ » _____ 2019 г.

РЕФЕРАТ

Егорьева, Н. Н. Проблема перевода поэзии Ч. Милоша на русский язык: лексико-грамматический аспект / Н. Н. Егорьева. — Челябинск : ЮУрГУ, СГ-409, 2019. — 49 с., библиогр. список — 61 наим., 1 прил., презентация.

Ключевые слова: переводческие трансформации, безэквивалентная лексика, транслитерация, опущение, перестановка, замена, добавление, окказионализм.

Объект исследования — переводы стихотворений из сборника «Второе пространство» Чеслава Милоша.

Предмет исследования — лексическо-грамматические трансформации в этих произведениях.

Цель работы — изучить лексико-грамматические трансформации при переводе стихотворений Чеслава Милоша с польского языка на русский.

Задачи работы — рассмотреть вопросы классификации русской лексики; изучить особенности окказиональной лексики; классифицировать окказионализмы Милоша; рассмотреть вопросы переводческих трансформаций; выявить переводческие трансформации и определить их роль в создании целостной картины.

Новизна дипломной работы заключается в рассмотрении переводов Чеслава Милоша с точки зрения передачи своеобразия лексики и грамматических особенностей стихотворных произведений.

Результаты исследования — были выявлены актуальные проблемы в области художественного перевода с польского языка на русский.

Работа может представлять интерес для специалистов переводоведения, а также для студентов, интересующихся данными проблемами.

ABSTRACT

Yegoryeva N. N. The problem of translating the poetry of Ch. Milosz into Russian: lexico-grammar aspect / N. N. Yegoryeva. — Chelyabinsk : SUSU, SH-409, 2019. — 49 p, bibliogr. list — 61 names, 1 app., presentation.

Keywords: translation transformations, equivalent-free vocabulary, transliteration, omission, transposition, substitution, addition, compensation, occasionalism.

The object of the research is translations of poems from the collection «Second Space» by Czeslaw Milosz.

The subject of the research is lexical and grammatical transformations in these works.

The aim of the work is to study lexical and grammatical transformations in the translation of poems by Czeslaw Milosz from Polish into Russian.

The objectives of the work are to consider the issues of classification of Russian vocabulary; to study the peculiarities of the occasional vocabulary; to study the tradition of translating Czeslaw Milosz's occasionalisms into Russian; to classify Milosz's occasionalisms; to consider the issues of translational transformations; to identify translational transformations and determine their role in creating a complete picture.

The novelty of the thesis is to consider the translations of Czeslaw Milosz in terms of vocabulary and grammar of poems.

Results of the research — the work is focused on the solution of actual problems in the field of artistic translation from Polish into Russian.

The work may be of interest to specialists of translation studies, poetry studies, as well as for students interested in these topics.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
1. ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ	
1.1. Понятие и сущность художественного перевода	9
1.2. Лексико-грамматические особенности художественного перевода. Переводческие трансформации	11
1.3. Грамматические особенности переводной литературы	18
1.4. Классификация лексики русского языка	22
1.5. Классификация окказиональной лексики	25
2. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОЭЗИИ ЧЕСЛАВА МИЛОША: ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	
2.1. Сборник «Второе пространство» в контексте поэтического творчества Чеслава Милоша	28
2.2. Проблемы передачи лексических особенностей при переводе поэзии Чеслава Милоша на русский язык	30
2.3. Проблемы передачи грамматического своеобразия поэзии Чеслава Милоша в переводах на русский язык	34
3. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ПОЭЗИИ ЧЕСЛАВА МИЛОША	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	42
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	45
ПРИЛОЖЕНИЯ	
ПРИЛОЖЕНИЕ А. РАЗРАБОТКА ЗАНЯТИЯ КРУЖКА «ОСНОВЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА»	54

ВВЕДЕНИЕ

Поэзия — это, прежде всего, художественное выражение мысли. И как легко человеку выразить мысль на родном языке, осознавая значение, историю, коннотацию, сферу употребления каждого слова, так же сложно воспринимать, осознавать, анализировать слова чужой страны и культуры.

Через поэзию происходит ментальное общение людей различных наций, религий, рас, полов. Часто средством этого общения становится перевод художественного произведения с одного языка на другой. Но для того, чтобы это происходило, очень важно грамотно осуществлять процесс художественного перевода. Иногда самым верным оказывается подстрочник, без единой художественной замены, а иногда лингвисту, филологу или просто любителю требуется заменить один символический предмет другим, чтобы вызвать у читателя максимально эквивалентные ассоциации.

Основной причиной, почему мы обратились к переводам лирических произведений польского поэта Чеслава Милоша стала недостаточная изученность особенностей перевода польской литературы.

Недостаточность знаний о польской лирике возникла неслучайно. Большое влияние на взаимопереводы оказывает история. В эпоху Просвещения была напряженная политическая обстановка, время интервенции, разделов, войн и антагонизма между русским и польским народами [52, с. 29]. В XIX в. польскую поэзию переводят в большинстве своем не профессиональные переводчики, а поэты, в их числе и самые известные представители русской литературы (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. А. Фет, И. А. Бунин, К. Д. Бальмонт и др.). В XX веке польскую поэзию переводят И. А. Бунин, А. Ахматова, В. Ходасевич, Б. Пастернак, Н. Асеев, Б. Слуцкий, Д. Самойлов, В. Корнилов, И. Бродский и другие поэты. Переводы выполняются в разных манерах — свободной (под влиянием возникших в XIX веке представлений о непереводаемости поэзии) [52, с. 30—31] и близкой к оригиналу, с сохранением особенностей

оригинальных текстов. Только после распада СССР, когда снимаются последние запреты на знакомство с зарубежной литературой, русский читатель получил возможность узнавать новые имена польской поэзии благодаря современным переводчикам. Несмотря на то, что отношения между Россией и Польшей на протяжении всего их существования постоянно менялось — от напряжения и вражды к дружбе и взаимопомощи, — литература всегда оставалась областью своего рода перемирия, местом для обмена культурным опытом.

Пока русский читатель мало знаком со многими литературными произведениями писателей и поэтов славянских народов, в том числе и с творчеством польского поэта Чеслава Милоша; а тем более переведенных с учетом чувства культуры народов, лексики и грамматики языков, а также восприятием читателя. Это обуславливает **актуальность** данной **дипломной работы**.

Объектом исследования являются переводы стихотворений из сборника «Второе пространство» Чеслава Милоша.

Предметом изучения — переводческие трансформации в данных произведениях.

Цель исследования — изучить лексико-грамматические трансформации при переводе стихотворений Чеслава Милоша с польского языка на русский. Для достижения поставленной цели нами был решен ряд **задач**:

- 1) рассмотреть вопросы классификации русской лексики;
- 2) изучить особенности окказиональной лексики;
- 3) классифицировать окказионализмы Милоша;
- 4) рассмотреть вопросы переводческих трансформаций;
- 5) выявить переводческие трансформации и определить их роль в создании целостной картины.

Теоретическую основу данной работы составляют работы таких лингвистов и литературоведов, как Л. С. Бархударов, В. С. Виноградов, Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман, А. В. Федоров, А. Я. Ройтман и др.

Структура работы обусловлена решением поставленных в ней задач. Исследование состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографического списка. Первая глава посвящена рассмотрению процесса перевода с его лексико-грамматическими особенностями отечественной лингвистики. Вторая глава посвящена определению переводческих трансформаций в стихотворениях из названного сборника. Третья глава посвящена практическому рассмотрению авторских окказионализмов Чеслава Милоша.

В работе использовались следующие научные **методы и приемы**: описательный и сравнительный методы, метод компонентного анализа лексики, системный подход к изучению лексико-грамматического материала.

Практическая значимость данной работы определяется тем, что она может послужить источником информации в работе переводоведов, стиховедов, а также для студентов, интересующихся проблемами переводческих трансформаций и авторских окказионализмов художественного текста в процессе перевода с польского языка на русский.

Апробация результатов работы состоялась в рамках Международной студенческой научной конференции «Язык. Культура. Коммуникация», где был представлен доклад; научная статья по теме дипломной работы была передана к публикации в электронном журнале «Язык. Культура. Коммуникация».

1. ПРОБЛЕМЫ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

1.1. Понятие и сущность художественного перевода

Слово «перевод», в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, имеет пять лексических значений, два из которых имеют лингвистический характер и будут нами рассмотрены.

В первом значении перевод — это действие по глаголу перевести, то есть перевод как сам процесс, в результате которого получается преобразованный текст [50].

Во втором — перевод — это текст (или устная речь), переведенный с какого-нибудь языка на другой язык, то есть перевод как результат определенного процесса [50].

Для нашего исследования будет полезно ближе рассмотреть это слово в первом значении. Разделим мнение Л. С. Бархударова, который в своей работе «Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода)» исследует значение термина «процесс» в лингвистическом смысле: «Определенного вида языковое, точнее, межъязыковое преобразование или трансформация текста на одном языке в текст на другом языке» [4, с. 7]. Ученый выстраивает схему переводческих трансформаций: исходный текст «а» на языке «А»; переводчик, применяя к нему определенные операции, создает текст «б» на языке «Б», который находится в определенных закономерных отношениях с текстом «а». Таким образом, мы можем видеть, что «перевод как процесс» — это преобразование текста на одном языке в эквивалентный ему текст на другом языке. При ответе на вопрос, насколько эквиваленты язык оригинала и перевода, мы захватим второе значение вышеназванного термина.

Не любое слово на языке перевода является абсолютным синонимом слова на языке оригинала. Если слова не синонимичны, следовательно, они не эквивалентны. Чтобы стать полноценным переводом, текст «б» должен

содержать в себе что-то такое, что есть в тексте «а». Однако он должен зависеть не от сходных по внешней форме знаков, а от их значения. Чтобы лучше в этом разобраться, обратимся к языкознанию, и, прежде всего, дадим понятие «языковому знаку». Определение этого термина в нужном нам смысле даёт О. С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов»: «Языковой знак — единица языка (в нашем случае — высказывание), служащая либо для обозначения предметов или явлений действительности и их отношений, либо для обозначения отношений между элементами языка в составе сложных знаков; выразитель данного языкового значения» [3]. Отдельное высказывание составляет основную единицу речевого общения. Как в любых случаях общения, в высказывании различают две стороны: 1) «план выражения» и 2) «план содержания». План выражения — это звуковая, материальная сторона высказывания, воспринимаемая слухом (а при письменной передаче высказывания — материальная последовательность начертаний, воспринимаемая зрением). План содержания — это выраженная в высказывании мысль, содержащаяся в нем информация, те или иные сопровождающие эту информацию эмоциональные моменты [32, с. 24—25]. То есть текст «б» должен быть сходным по плану содержанию с текстом «а». Л. С. Бархударов приходит к выводу, что важнейшими условиями существования текста перевода являются: сохранение неизменного плана содержания (значения), неизбежные семантические потери и семантические расхождения языков, принцип подчинения элементов целому. Изучив понятие перевода в рамках лингвистической теории, Л. С. Бархударов обращается ко всему комплексу дисциплин, посвященных работе с переводом — переводоведению — и отмечает важную роль в данном вопросе не только языковедческого, но и литературоведческого подхода [4]. Лингвистический подход отмечается дословностью переводимых слов, в то время как художественному — присущи творческий подход и отсутствие буквальности в переведенном тексте. Однако, согласно мнению исследователя, художественный перевод —

это преобразование текста на одном языке в текст на другом языке, ему должны быть свойственны те же самые общие закономерности, что и любому виду перевода. То есть художественный перевод имеет основные черты лингвистического, за исключением некоторых особенностей. Из этого можно сделать вывод, что литературоведческий подход и лингвистическая теория дополняют друг друга и могут вступать в синтез, о чем писал А. В. Федоров в одной из своих работ «Основы общей теории перевода» [52, с. 30—31].

1.2. Лексико-грамматические особенности художественного перевода. Переводческие трансформации

Любое произведение на языке оригинала является результатом творчества человека, свободно владеющего тем языком, на котором он пишет.

Низкое качество языка перевода связано с неясным пониманием языка подлинника, плохим знанием иностранного языка или тех вещей, о которых говорится в тексте.

Высокая степень соответствия языка перевода общезыковой норме обеспечивает возможность передать стилистические особенности подлинника. Одним из главных признаков стилистического явления служит степень привычности или не привычности отдельного элемента или целого отрезка речи по отношению к определенному типу текстов или форм речи.

Человек, как правило, в своей речи не создаёт новых слов, а пользуется уже существующими в языке, входящими в его словарный состав. Однако если же у него возникает такая необходимость, то он создает отдельное новое слово на основе элементов уже существующих слов, или по аналогии с ними. Переводчик руководствуется теми же принципами: подбирает такое слово из словарного состава языка перевода, которое бы соответствовало слову подлинника, а также его взаимосвязи в словосочетании, предложении, абзаце и более широком контексте. При переводе неологизма он создает новое

слово, опираясь на уже имеющиеся лексические и морфологические элементы.

Когда речь идет о подборе тех или иных слов при переводе, для более точной передачи значения, мы должны учитывать контекст, в каком они находятся в оригинале, и соответственно будет находиться в переводе. Смысл слова не автономен, его проясняет контекст, который играет решающую роль при выборе нужных слов; с их помощью сложится фраза (узкий контекст). Однако и перевод целой фразы может зависеть от более широкого контекста — абзац, глава. У некоторых слов есть ограниченная сочетаемость (например, во фразеологии). В некоторых случаях это обстоятельство не позволяет использовать при переводе ближайшее словарное соответствие слову подлинника.

А. В. Федоров следующие характерные случаи выбора между несколькими представляющимися возможностями перевода:

1) в языке перевода нет словарного соответствия тому или иному слову подлинника (вообще или в данном его значении);

2) соответствие является не полным;

3) различным значениям многозначного слова подлинника соответствуют разные слова в языке перевода, в той или иной степени передающие их [53, с. 25—26].

Самым редким в переводческой практике является случай совершенного однозначного соответствия слов подлинника (при разных контекстах) и перевода. Такое соответствие возможно лишь к некоторым слоям лексики — к терминам, к обозначениям календарных понятий, к некоторым именам родства, к некоторым названиям животных, к личным местоимениям.

Встречаются случаи, когда одно и то же слово на языке оригинала встречается в тексте несколько раз в различных значениях, в разном контексте. И требует от перевода воспроизведения одним и тем же словом,

чему контекст может противостоять. Тогда перед переводчиком стоит задача найти в своём языке подходящее слово, гармоничное со всеми контекстами.

Слово и каждое предложение как в оригинале, так и в переводе соотносится с большим количеством других элементов текста, поэтому всегда приходится роль окружения. Но это лишь одна из лексикологических проблем перевода, хоть и главная. Далее мы рассмотрим несколько более узких.

Наличие в языке безэквивалентной лексики, то есть слов, для которых невозможно найти соответствие слову оригинала текста, — явление довольно редкое, связанное в основном с передачей исключительно локальных явлений, отсутствующих в другой культуре. Однако иногда оно возникает и при передаче чувств, эмоций, поступков, что связано с разной ментальностью носителей языка.

Английский критик Морис Беринг в своей книге «Landmarks in Russian Literature» делает интересное замечание, иллюстрирующее это явление. В качестве предмета критики он взял басню Крылова «Два голубя», где ему встречается слово «скучно»: «Немыслимо на английский перевести слово “скучно” так, чтобы оно было поэтично. “Скучно” переводится словом “*boring*”, абсолютно непоэтическим выражением, заменяемым в стихах парафразами. А по-русски можно, так как слово “скучно” несколько не менее поэтично, чем слово “грустно”» [52, с. 23—24].

В данном случае несоответствие не смысловое, а в эмоциональной окраске. Естественно, это вызывает необходимость в подборе лишь приблизительного соответствия, значение которого станет ясным только исходя из контекста.

Иногда в практике перевода встречаются новые слова или слова старые, но с новым значением. В таком случае переводчик действует согласно двум принципам. Во-первых, тщательно исследует контекст, который может навести на выбор нужного слова. Во-вторых, проводит

аналогию с похожими случаями, которые можно узнать, например, по словообразовательным элементам: суффиксам, префиксам.

Не менее интересным случаем можно назвать слова, обозначающие обычные предметы и имеющие лишь неполное словарное соответствие. К таким словам можно отнести французские «*piéd*» и «*jambe*», обозначающие разные части одной и той же конечности тела, и русское «нога», не разграничивающее, отдельные её части. Однако эта проблема касается, скорее, художественного перевода, и решается — уточняющим контекстом. А для перевода серьезных текстов, таких как медицинская статья, существуют терминологические средства передачи. При передаче английских «*hand*» и «*arm*» на русский язык в медицинском тексте будут использоваться термины «кисть» и «локтевой сустав». Но такое явление встречается не часто.

Более распространен случай противоположный ему, когда одно и то же многозначное слово подлинника, употребленное в разных контекстах, требует разных слов перевода. Например, английское «*estate*» в одном сочетании может означать «состояние», «материальные средства», в другом — «имение», «поместье», а в более широком обобщающем значении — «имущество» [52, с. 15—16].

Самой сложной и неоднозначной проблемой перевода при многозначности слова является наложение двух значений в контексте оригинала.

Наряду с безэквивалентностью нам предстоит рассмотреть ложные эквиваленты словам другого языка, или, как их еще называют, «ложные друзья переводчика». Речь идет о словах, полностью или частично совпадающих по звуковой или графической форме с иноязычным словом при наличии полной этимологической общности между ними, но имеющее другое значение при отнесенности к одной сфере применения. К примеру, «*akademiker*» — «человек с высшим образованием», а также «студент», «преподаватель высшей школы», «академик» и русское «академик»,

«действительный член академии наук». Ложные эквиваленты не представляют собой принципиальной проблемы, однако о них следует помнить, так как порой возникают случаи, когда в контексте они не вызывают очевидных противоречий, однако при более близком рассмотрении текста может быть выявлена логическая ошибка.

Л. В. Щерба в своём предисловии к «Русско-французскому словарю» говорит о том, что большинство слов всякого языка более или менее многозначно. Это приводит к множественности словарных соответствий как для многозначного, так и для однозначного слова подлинника в других языках — соответствий, используемых в переводах в зависимости от контекста. Но даже слово с одним значением в конкретном контексте может вызвать несколько вариантов перевода, несколько лексических вариантов [56].

Определение лексическим вариантам даёт А. В. Фёдоров: «Лексические варианты — часть тех соотносительных и параллельных средств, которыми язык располагает для выражения более или менее однородного содержания и которые являются предметом стилистики» [52, с. 19—20]. Исследователь приходит к этому определению, анализируя те случаи, когда параллельными по условиям контекста являются слова, не связанные сами по себе общностью значения. То есть слова, имеющие лишь отдаленное сходство по значению, становятся близкими в условиях расширенного или суженного контекста. А. В. Фёдоров сравнивает понятие «параллельных синонимических средств», что намного шире понятия «синоним» в его лингвистическом значении. Это и говорит нам о том, что вернее говорить о лексических вариантах, а не о синонимах [52, с. 33—35].

Если выше мы рассматривали проблемы перевода, то сейчас перейдём к его более узким вопросам, то есть рассмотрим такие явления как передача имён собственных, прозвищ и фразеологических оборотов при переводе.

Итак, перевод имён собственных, прозвищ и их фонетическое оформление. К именам собственным из области истории, географии,

культуры, наименование местностей, которые имеют собственную семантику, применимы и транслитерация, и перевод. Доступное определение термину «транслитерация» даёт советский лингвист Н. В. Юшманов в своей исследовательской работе «Ключ к латинским письменностям земного шара»: «Транслитерация — точная передача знаков одной письменности знаками другой письменности». Именно этот процесс наиболее часто применяется при передаче на язык перевода известных географических имен, таких, как названия горных вершин. Например, «*Mont-Blanc*» — «Монблан», «*Dent du Midi*» — «Дан дю Миди», «*Jungfrau*» — «Юнгфрау». А к именам местного значения, с выраженной образной семантикой, чаще применяется перевод: улицы «*Boulevard des Italiens*» — «Итальянский бульвар», «*Boulevard Sébastopol*» — «Севастопольский бульвар»; парки «*Bois de Boulogne*» — «Булонский лес», «*Champs Élysées*» — «Елисейские поля» [56]. Однако существует ряд случаев, действующих обратно от основных тенденций. К примеру, название горного хребта в Германии «*Riesengebirge*» (немецкое), или «*Krkonošy Hori*» (чешское) переводится «Исполиновы горы». А улица в Берлине «*Unter den Linden*» (имеющая дословный перевод «Под липами»), остается «Унтер ден Линден». «*Pont-Neuf*» в одних переводах «Пон-Нёф», в других — «Новый мост». Прозвища исторических лиц (не входящие в состав имени собственного) переводятся: даже с французского «*Charlmagne*», где прозвище, как видоизменение латинского прилагательного, образует одно целое с именем собственным, будет дословный перевод «Карл Великий». Названия газет наоборот транслитерируются, даже при наличии явной семантики: «Морнинг Стар», «Нойес Дойчланд», — это указывает на их принадлежность к определённой стране. Когда речь идет об именах собственных, не имеющих своего значения, то речи о переводе идти не может. Единственным элементом перевода в таких случаях могут быть отдельные флексии, такие, как окончание женского рода, уменьшительно-ласкательные суффиксы и так далее.

А. В. Федоров констатирует, что выбор той или иной возможности передачи имён собственных, сохранивших определенную семантику, обуславливается традицией, которую не могут не учитывать переводчики, даже в тех случаях, когда речь идет о вымышленных именах, хоть здесь и происходят значительные колебания. Например, название торгового судна в рассказе Ги де Мопассана «Le port» — «*Notre Dame des Vents*» — в переводе Л. Н. Толстого дано как «Богородица ветров», а в двух разных редакциях нового перевода (М. А. Салье) оно получило соответствие сперва в форме транслитерации «Нотр-дам-де-Ван» по аналогии с «Нотр-дам-де-Пари», а затем — в форме образно-смысловой — «Пресвятая Дева Ветров».

Нередко, добиваясь адекватности и эквивалентности перевода при расхождении в формальном и семантическом строе двух языков, переводчик производит многочисленные межъязыковые преобразования — переводческие трансформации [2, с. 20]. Это позволяет максимально полно передать информацию исходного текста при соблюдении норм переводящего языка. Согласно наиболее полной и признанной в научной среде классификации Л. С. Бархударова, при переводе выделяются четыре вида трансформации: опущение (сознательный пропуск некоторых языковых единиц оригинала), добавление (включение в перевод лексических единиц, отсутствующих в оригинале), перестановка (изменение порядка следования языковых элементов в тексте перевода), замена (замена одних языковых единиц другими) и ее подвид — компенсация (перевод, в котором утраченные элементы смысла оригинала передаются каким-либо другим средством, причем необязательно в том же месте, что и в оригинале) [4, с. 35]. Классификация, предложенная А. М. Фитерман и Т. Р. Левицкой, включает в себя также конкретизацию (замену слов и словосочетаний оригинала словами и словосочетаниями языка перевода с более узким значением) и генерализацию (замену слов и словосочетаний оригинала словами и словосочетаниями языка перевода с более широким значением), рассмотренные нами как разновидности замены [29].

1.3. Грамматические особенности переводной литературы

Грамматические явления языка связаны с закономерностями его развития, из них вытекают и отличия от грамматических явлений другого языка. По этой причине возникают грамматические трудности перевода и в области морфологии, и в области синтаксиса. Этим же определяется важность исследований грамматических расхождений в переводе.

Бесспорно, основной задачей перевода является передача основной мысли текста, что можно сделать, не прибегая к точному воспроизведению грамматической формы подлинника. Хотя и существует исключение. В том случае, когда отдельные особенности грамматической формы оригинала играют особую стилистическую роль, целью перевода становятся их прямое воспроизведение или воссоздание их функции при помощи аналогичных средств выражения языка перевода.

Существует ряд грамматических особенностей иностранных языков, которые затрудняют понимание смысла текста, что делает невозможным достижение основной задачи перевода. А. В. Федоров в своем исследовании приводит два ярких примера.

Во-первых, сочетания прямого дополнения с инфинитивом (чаще всего встречающиеся в романских и германских языках): французское «*je le vois venir*» — «я вижу, как он идёт», английское «*I expected the travelers to be here by this time*» — «я ждал, что путешественники будут здесь к этому времени». Их принято переводить сложноподчинёнными предложениями, где в качестве подлежащего выступает существительное, соответствующее по смыслу прямому дополнению подлинника, а в качестве сказуемого — глагол, соответствующий по смыслу инфинитиву подлинника.

Во-вторых, бессоюзные определительные придаточные предложения английского языка (типа: «*the books I have been reading*»), требующие использования подчиняющего «который» («книги, которые я прочёл») при

переводе с их помощью придаточного определительного или передаваемые причастным оборотом («книги, прочитанные мною»).

Круг таких грамматических особенностей одного языка по отношению к другому строго ограничен, и при переводе нет одной общей закономерности их передачи. Во многом выбор грамматического варианта зависит от контекста: его стиля, жанра и типа. Однако нельзя говорить о их непереводаемости, в этих случаях от переводчика требуется только внимание и чувство языка.

Зачастую теоретики перевода говорят о стандартности возможных способов передачи подобных конструкций, что, в частности, касается конструкций долженствования в немецком — сочетание глагола «haben» с инфинитивом. Однако исследование Н. В. Поповой «Сочетание “haben + zu + инфинитив” в современном немецком языке и способы их перевода на русский язык» установило, что для перевода сочетаний haben + zu + инфинитив — 28 способов перевода на русский язык, а для перевода сочетаний sein + zu + инфинитив — 45 способов. Хотя некоторые из этих способов образуют однотипные группы, нельзя говорить о стандартности способов передачи [42, с. 58—60]. Исследование Я. И. Рецкер показало, что абсолютная конструкция в английском языке имеет большое разнообразие способов, с помощью которых её можно перевести на русский язык в зависимости от смысла и особенностей контекста [44, с. 56—57].

Д. А. Пелихов в учебном пособии «Польский язык» пишет о традиции перевода причастий с польского языка на русский. Причастия в польском языке, так же как и в русском, изменяются по типу прилагательных. Кроме того, существуют формы страдательных причастий с окончанием -o, которые употребляются в безличных предложениях: *czytano, mówiono, narysowano, wzięto, rozpoczęto*. На русский язык синтаксические конструкции с подобными причастиями переводятся, как правило, неопределенно-личными либо безличными предложениями: *Zaproszono nas na wieczorek* («Нас

пригласили на вечеринку'), *Na ulicy znalezione psa* ('На улице нашли собаку'), *Wcześniej uważano, że kawa jest szkodliwa* ('Раньше считалось, что кофе вреден') [39, с. 67—68].

Что касается точности перевода в формально-грамматическом отношении, то нередко она невозможна из-за отсутствия соответствий грамматических конструкций в языке оригинала и перевода. Зачастую перевод не отвечает норме словосочетания и требованиям литературности данного языка, а в ряде случаев он стилистически невозможен. В особенности редки те случаи, когда в составе распространённого предложения в переводе и в подлиннике совпадает порядок слов и их число, их грамматические категории и их основные словарные значения. Случаи изменения грамматических категорий слова в переводе, небольших перестановок или добавлений в пределах малых словосочетаний — постоянны при передаче любого текста; они типичны даже для самого «точного» перевода. Отступления от грамматической точности постоянны и закономерны [52, с. 61].

Согласно работе А. В. Фёдорова, существует три основных случая грамматического расхождения между языком подлинника и языком перевода [52, с. 65]. Первый случай — когда в языке подлинника встречается элемент, которому нет формально-грамматического соответствия в языке перевода (например, наличие категории артикля и разницы между определённым и неопределённым артиклем, сложные формы прошедшего времени — при отсутствии этих особенностей в русском языке).

Второй случай — когда в языке, на который делается перевод, есть элементы, не имеющие формального соответствия в языке подлинника, а между тем неизбежно применяемые при переводах (например, форма вида глагола, широко развитая флективная система).

Третий случай — когда в языке перевода есть грамматические элементы, формально соответствующие элементам языка подлинника, но отличающиеся от них по выполняемым функциям. Этот случай требует

особой внимательности от переводчика: язык подлинника и язык перевода обладают многими формально близкими или даже грамматически тождественными элементами, но при этом их смысловые и стилистические функции могут быть различны. Это может ввести в заблуждение неопытного или склонного к буквализму переводчика. В данном случае правильно применить в переводе формально отличные от подлинника элементы, которые в контексте могли бы выполнить функции, по смыслу и стилистической окраске соответствующие подлиннику.

Нагляднее всего третий случай грамматического расхождения, он просматривается в предложениях, где одним из признаков богатства переводящего языка является свободный порядок слов.

Флективный строй русского языка и связанный с ним свободный порядок слов дают в руки переводчика исключительное богатство средств при переводе с языков разного типа [53, с. 55]. Эти средства помогают в переводе в двух случаях. Во-первых, когда грамматической особенности языка оригинала нет формального соответствия в нашем языке и отсутствие того или иного грамматического элемента компенсируется смысловыми оттенками, вносимыми порядком слов. Во-вторых, когда возможность формально точного перевода существует, но приводит к отклонению от смысла, или к нарушению языковой нормы. Нередко перестройка предложения при переводе, перегруппировка его членов связывается с разбивкой его на два и более самостоятельных предложения, отделенных точкой. Иногда этот процесс влечёт за собой изменение всего абзаца, для большей литературности. Разбивка предложения необходима для того, чтобы избежать нагромождения однородных членов. Благодаря широкой флективности языка мы получаем возможность подбора наилучшего для выражения мысли грамматического варианта. Под словами о выборе между грамматическими вариантами, подразумевается наличие нескольких вариантов.

О синонимии грамматических вариантов можно говорить только в целом, то есть они могут заменять друг друга только как целые

конструкции. Отдельные их элементы — слова не являются синонимами, то есть между ними отсутствует лексическая синонимия. В этом заключается различие грамматической синонимии (вариативности) и синонимии в лингвистическом смысле. Грамматические варианты, передающие один и тот же смысл, бывают не равноценны стилистически. Выбор варианта зависит от контекста.

Вопрос о грамматических вариантах перевода является одним из основополагающих вопросов частной теории перевода. От него зависят почти все вопросы переводческой практики. Специфика выбора грамматических вариантов в процессе перевода заключается в соотношении и взаимодействии систем двух языков [52, с. 48].

1.4. Классификация лексики русского языка

Особенной проблемой процесса перевода можно считать подвижность словарного состава языков перевода, его неопределённость и проницаемость. Это связано со специфическими чертами лексических систем языка перевода и того, на который мы переводим. Рассмотрим ряд специфических черт русской лексической системы, важных для нашего исследования:

1) динамичность словарного состава языка: лексика находится в неразрывной связи с внеязыковой действительностью (бытом человека, его деятельностью), и любые изменения в обществе и в окружающей среде фиксируются в словарном запасе носителей языка — появляются слова, обозначающие новые явления, слова, заменяющие прежний термин новым вариантом;

2) наличие слов, доступных для понимания ограниченной группой лиц;

3) наличие слов с ограниченной сферой употребления;

4) наличие слов, пришедших из другого языка.

Для того чтобы разобраться в этом явлении рассмотрим лексику русского языка как систему, в которой все слова можно классифицировать.

Традиционно выделяют три основания при классификации лексики русского языка: лексика с точки зрения её происхождения, с точки зрения сферы её употребления, с точки зрения частоты её употребления.

По первому основанию лексика делится на два больших класса: исконные слова — зародившиеся в русском языке, и заимствованные — пришедшие из других языков.

Заимствованные слова в язык приходят разными путями. Полный переход формы и значения слова называется лексическим заимствованием. Более узким будет являться семантическое заимствование, при котором уже имеющееся слово в языке-реципиенте сохраняет свою форму, однако приобретает новое значение.

Отдельным видом заимствований является калька, то есть перевод иноязычного слова в принимающий язык поморфемно. Перевод происходит по словообразовательным моделям исходного языка с заменой корней и аффиксов на, соответствующие им, морфемы языка-реципиента [15, с. 38].

Есть и такие слова, которые передают реалии чужой культуры, они не имеют аналога в принимающем языке и имеют черты недоосвоенности, к ним относятся экзотизмы и варваризмы.

Заимствованные слова составляют десять процентов словарного состава русского языка. Остальные девяносто процентов принято относить к исконно русской лексике, которая начала свое формирование несколько веков назад из древнейших корней и собственно русских аффиксов.

Некоторые корни по происхождению являются индоевропейскими, похожие корни можно найти и у других народов этой языковой семьи: русское слово ‘брат’, украинское — ‘брат’, польское — ‘brat’, немецкое — ‘bruder’ [37, с. 19].

Выделяется общеславянская лексика, в нее входят слова, корни которых совпадают у западных, восточных и южных славян: русское слово ‘комар’, польское — ‘komar’, сербское — ‘комар’.

К третьему источнику русских слов относится древнерусская лексика, которая имеет родственные корни для всех народов восточных славян: украинцев, русских и белорусов. Восточнославянизмы имеют у этих народов не только общий корень, но и другие аффиксы, например, снегирь, ледяной, совсем.

К последней группе исконной русской лексики относятся собственно русские (великорусские) слова. Они появились в XIV веке и имеют в других восточнославянских языках только аналоги: русское слово ‘очень’, украинское — ‘дуже’, белорусское — ‘вельми’.

Лексика, составляющая словарь русского национального языка, неодинакова по сферам ее употребления. Одни слова известны всем говорящим по-русски (например, ‘земля’, ‘идти’, ‘белый’) — общеупотребительная лексика. Другие употребляются в какой-то одной местности, а за ее пределами неизвестны и непонятны (‘баской’ — ‘хороший’ в северных говорах, ‘охлюпкой’ — ‘верхом на лошади без седла’ в южнорусских говорах и т. п.) — лексика диалектная. Третьи используются людьми определенной профессии (специальные технические термины) — лексика профессиональная и специальная. Последние употребляются в обособленных социальных группах — лексика жаргонная [1]. Такие слова выходят за рамки литературной нормы (за исключением терминов) и не являются общеупотребительными, их нельзя найти в обычном толковом словаре: переводчику потребуется не только установить лексическое значение таких слов, но и внимательно изучить их культурную подоплеку.

С точки зрения частоты употребления лексика русского языка делится на активный словарный запас — слова, часто употребляемые в данный период времени; и пассивный словарный запас — слова редко употребляемые или неупотребляемые в данный отрезок времени.

В активный словарный запас входят слова, постоянно употребляемые в общении, понятные говорящим на данном языке. К активно употребляемой лексике относится все то, что определяет современную систему языка (в том числе и лексика, имеющая ограниченную сферу употребления) [52, с. 5].

Пассивный словарный запас делится на несколько видов слов. Архаизмы — устаревшие слова, обозначающие существующее явление, которому придумали новое название в современном русском языке.

Историзмы — слова, обозначающие предметы и явления, не существующие в современной действительности.

Неологизмы — слова, появившиеся недавно в связи с появлением нового предмета или явления и ещё не успевшие войти в активный словарный запас.

Окказионализмы — слова, придуманные автором для конкретного произведения [6, с. 180].

1.5. Классификация окказиональной лексики

Окказиональная лексика является результатом творчества поэта или писателя, который придумывает слова используя существующие в языке словообразовательные модели, сознательно их нарушает и использует в качестве средства художественного тропа.

Новое слово может создаваться при помощи фонем, лексем, морфем и других единиц языкового строя языка. Нарушение норм литературного языка может происходить на разных уровнях: грамматическом, словообразовательном, лексико-семантическом. Определим окказионализм как единицу языка, которая: не употребляется вне контекста литературного произведения, построена на нарушении словообразовательных моделей, и от которой нельзя построить производные формы.

Е. С. Грищева выделяет несколько типов окказиональных слов в своей классификации.

Фонетические окказионализмы: ненормативное произношение (‘птичища’, ‘подчерица’ — М. Цветаева); ненормативное ударение.

Словообразовательные окказионализмы: потенциальные и окказиональные слова; окказиональные модели, окказиональные морфемы, окказиональная словообразовательная синонимия и другие.

Как мы видим к данному основанию классификации относятся как собственно окказиональные слова, так и модели их образования.

Лексические окказионализмы чаще всего рассматриваются как окказионализмы, реализующиеся на уровне слова и фразеологизма. В рамках первой группы обычно говорят об окказионализмах собственно-лексических (лексико-словообразовательных) и семантических. Семантические же окказионализмы представляют собой случаи вторичной языковой номинации, т. е. это лексемы с узуальным означающим и окказиональным означаемым. Если принять широкое понимание фразеологизмов-окказионализмов, то к ним можно отнести и случаи трансформации фразеологических единиц [16, с. 51].

В группе грамматических окказионализмов выделяют т. н. морфологические и синтаксические окказионализмы. Морфологические (грамматические в иной терминологии) окказионализмы — это речевые единицы, отражающие ненормативное формообразование. Это «такие словоформы, которые не зафиксированы в языке и обладают низким уровнем потенциальности». Грамматические окказионализмы чаще всего встречаются в художественных, особенно поэтических текстах, реже — в публицистике и обиходной речи — словом, там, где говорящий стремится использовать нешаблонные выражения, чтобы привлечь внимание адресата и зарекомендовать себя как нестандартную языковую личность. Грамматические окказионализмы более ограничены в своих проявлениях (в отличие от семантико-словообразовательных), поскольку не используют абсолютно новых форм, а образуются при помощи традиционных канонических средств, в то время как семантико-словообразовательные могут создаваться окказиональными морфемами по окказиональным моделям. Причины окказиональности грамматических форм, как отмечают

ученые, кроются, главным образом, в семантических противоречиях или слабой сочетаемости элементов. Так, одним из основных способов создания грамматических окказионализмов является сочетание стандартного грамматического показателя и основы слова, несущей лексическое значение, которое обычно противодействует образованию той или иной формы [28, с. 53—54].

Окказиональность на синтаксическом уровне — явление малоизученное и менее частотное, чем окказиональность на других уровнях языка. Проявление окказиональности может касаться как уровня словосочетания (*вторая брюка*), так и уровня предложения (*Кого поступят в институт? Мне бы хоть ноги загореть*). Ученые отмечают, что окказиональные сочетания могут строиться как с нарушением семантической, так и грамматической валентности лексем, входящих в сочетание.

Классификация окказионализмов может быть расширена за счет изучения проявлений окказиональности в области графики (особенно частотно это явление в публицистических текстах, рекламном дискурсе), орфографии и пунктуации.

Графическая окказиональность — это чаще шрифтовая или пунктуационная (кавычки, скобки, тире, дефис) актуализация элемента, организующего новое, необычное для языка слово. В языке СМИ частотно явление сочетания в графическом облике слова кириллических и латинских букв: *Аеродинамика* (щитовая реклама); *ультра* (реклама сигарет).

К стилистическим окказионализмам Эр. Ханпира относит окказиональные слова, модель образования которых принадлежит книжному стилю литературного языка.

Таким образом, проявление окказиональности на любом уровне языковой системы позволяет говорить о наличии особой категории окказиональности. Категория окказиональности — «это наиболее общее понятие, объединяющее все виды проявления окказиональности в лексике, словообразовании, морфологии, синтаксисе, семантике» [28, с. 26].

2. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ПОЭЗИИ ЧЕСЛАВА МИЛОША: ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

2.1. Сборник «Второе пространство» в контексте поэтического творчества Чеслава Милоша

Чеслав Милош (родился 30 июня 1911 года в Российской империи — умер 14 августа 2004 года в Польше) — польский поэт, переводчик, эссеист, лауреат Нобелевской премии по литературе 1980 года, удостоенный звания «Праведника мира» (это звание присваивается неевреям, спасавшим евреев в годы нацистской оккупации Европы, Катастрофы (Шоа), рискуя при этом собственной жизнью [54]).

Юрист по образованию, Чеслав Милош в молодости придерживался левых политических взглядов, во время Второй мировой войны был участником польского Сопротивления. В послевоенный период работал польским атташе по культуре в Нью-Йорке и Париже, в 1951 году попросил политического убежища во Франции. Сотрудничал с журналом польской эмиграции «Культура», издававшимся под редакцией Ежи Гедройца. С 1960 года работал в университете Беркли (Калифорния). Чеслав Милош писал научные исследования о тоталитаризме и коммунизме в Европе, особой темой для изучения в научной сфере для него стало творчество Ф. М. Достоевского, которому польский писатель посвятил несколько статей. В советской Польше произведения Чеслава Милоша находились под запретом, после распада соцблока писатель был встречен на родине как герой, был удостоен государственных наград. Столетие поэта отмечалось в Польше как национальный праздник: 2011 год был объявлен Годом Чеслава Милоша [49].

Большое влияние на сборник «Второе пространство» оказали встречи поэта с его дядей — Оскаром Милошем. Писатель в течение десятилетий пытался сформулировать, кем был для него автор «Ars Magna». Он считал его духовным учителем, который показал возможность религиозного

видения мира, преодоления барьера материи, учил замечать скрытый смысл событий, божественный план, частью которого мы являемся. Оскар Милош показал, как можно отличать религиозный обряд от мистического горения и драматизма веры. Он призывал любить людей — без иллюзий и несмотря ни на что, и это со временем позволило молодому эгоисту открыть в себе способность подлинного сопереживания. Он также указал творческий путь, позволяющий избегать марксистских ловушек и дарвинистского нигилизма, он говорил, что, отказавшись от следования литературным модам, можно установить диалог с Богом. Благодаря этой встрече с середины 30-х годов в творчестве Чеслава Милоша, в сборнике «Второе пространство» постоянно будет присутствовать религиозная перспектива, которой преодолевались его антиклерикальные и антимещанские комплексы. Он становится защитником веры в существование высшего смысла, надежды, что мир, который нам известен, не является единственным, что миллиарды уникальных человеческих жизней не исчезают в темных водах небытия [53, с. 134—136].

Обширное поэтическое наследие Милоша, создававшееся на протяжении семидесяти лет, не позволяет охарактеризовать его в нескольких предложениях. Это поэзия чувств и интеллекта, бытовых деталей и исторического синтеза, поэзия метафизическая и вместе с тем тесно связанная с биографией автора [51].

На рубеже 2002 — 2003 годов в краковском Литературном издательстве («Wydawnictwo Literackie») Чеслав Милош издал книгу «Орфей и Эвридика». Данная поэма была напечатана на пяти языках: польском, английском, немецком, русском и шведском [51].

Для исследования мы выбрали издание сборника «Второе Пространство», выпущенное издательством «Азбука» в 2010 году и приведённое на русский язык кандидатом наук, доцентом кафедры теоретической механики «НГАСУ (СИБСТРИН)» А. Я. Ройтманом.

Стихи Чеслава Милоша Анатолий Ройтман, по его словам, впервые прочитал в 1985 году, но желания переводить с польского на русский тогда

не возникло. Просто захотелось понять человека, творчество которого вплоть до 1980-х считалось запретным плодом. В 1951 году Милош попросил политического убежища во Франции, а чуть позже издал книгу «Порабощенный разум» — размышления «о влиянии тоталитаризма на личность художника». Эта книга сделала автора знаменитым... правда, не как поэта. «Порабощенный разум» ставят в один ряд с романами Е. И. Замятина «Мы», Дж. Оруэлла «1984», но в России по понятным причинам книга Ч. Милоша была напечатана лишь полвека спустя [51].

Чеслав Милош русским языком владел свободно. Писатель занимался переводами стихотворений И. А. Бродского. К процессу перевода он относился очень скрупулёзно, друг поэта А. Я. Ройтман вспоминает: «Поэт отвергал любые попытки “пригладить” строку в ущерб смыслу».

Перевод для А. Я. Ройтмана является искусством минимизации потерь. К такому отношению в работе он пришел через общение с Ч. Милошем. Тесная работа совместно с поэтом дала свои плоды. В книгах А. Я. Ройтман публикует переводы стихотворений именно так, как настаивал Ч. Милош: «Порой встречаются строчки, произнося которые можно как бы споткнуться, но за такую сбивчивость дыхания я стою горой! Конечно, если она оправдана точностью передачи смысла» [51].

2.2. Проблемы передачи лексических особенностей при переводе поэзии Чеслава Милоша на русский язык

Лексическая трансформация выражает различия в семантике и восприятии оригинального произведения и перевода. Эти изменения могут исходить из лексических и грамматических несоответствий сопоставляемых языков, а могут возникать из чувства языка переводчика. Личное восприятие способно вызывать наиболее явные расхождения с оригиналом. Рассмотрим переводы стихотворений Чеслава Милоша из его сборника «Второе пространство» (2002) и отметим характерные для разных переводчиков лексические трансформации.

Стоит сказать о том, что сам поэт был сторонником, скорее, подстрочных переводов, так как считал, что никто не имеет права исказить слова автора, а вместе с ним и их смысл. Анатолий Ройтман, как один из друзей Милоша, постарался максимально точно перевести рассматриваемый нами сборник. По этой причине его переводческую работу можно взять за подстрочник. И, уже отталкиваясь от неё, искать лексические и грамматические искажения в других переводах.

Замена — наиболее распространенный и многообразный вид трансформации — широко представлена в данных переводах. К примеру, в переводе стихотворения Ч. Милоша «Неприспособленность» в области лексики происходит замена отдельных лексических единиц текста «а» неэквивалентными лексическими единицами текста «б». Например, в строчке: «*Po prostu takie było moje genetyczne nieprzystosowanie*», — слова: «*moje nieprzystosowanie*», — максимально точно переведенные Анатолием Яковлевичем Ройтманом как «неприспособленность», в переводе Владимира Александровича Поповича звучат как «моя адаптация». А прилагательное «*genetyczne*» дословно «генетическая» (здесь и далее подстрочный перевод выполнялся нами) становится обстоятельством времени — «с древних времен». В. Попович уловил общую лексическую часть, указывающую на формирование данного качества в человеке на протяжении нескольких поколений, однако в его переводе приобретает новый смысл этих слов. Кажется, что сам лирический герой прожил несколько веков и в результате этого адаптировался к жизни в Раю. В то время как автор, скорее, имел в виду — связь поколений, чувство связи с прошлым, с библейскими предками — первыми людьми — Адамом и Евой. И неприспособленность лирического героя к жизни где-то кроме Рая. В третьем катрене у В. Поповича происходит замена, основанная на сходстве атрибутивного и номинативного понятий: «*kolcem róży*» (шипом розы) переходит в «красотою». В следующей замене прослеживается слабое семантическое сходство и явное отклонение языка художественного перевода от

подстрочного: «...*ukłucie się kolcem róży zmieniało się w ranę...*» (укол шипом розы превращался в рану) — «красотою могу быть я насмерть сражен».

В строке «*Nie nadawałem się życia gdzie indziej niż w Raju*» («Я не годился для жизни нигде, кроме как в Раю», — пер. А. Ройтмана), переведенной В. Поповичем как: «Мне нигде не по силам дышать, разве только в Эдеме», — встречается разновидность замены — **конкретизация**. В данных строках особенно подчинен переводческому восприятию процесс жизни, который заменяется на «дыхание» — действие необходимое для существования человека, однако имеющее более узкое значение. Понятие «Рая» (места, куда переходит душа человека после смерти, обретающее там блаженство умиротворения) заменено более узким значением — Эдемом (божественным домом человека на земле). А «дьявольский водевиль» (комедия) из стихотворения «Внемли» в переводе В. Поповича превращается в «улыбку».

Другие примеры замены:

«*Udawałem*» (Я делал вид) — «Возомнил» (ст. «Моя адаптация», пер. В. Поповича).

«*Pracuję od rana do wieczora*» (работаю с утра и до вечера) — «Честно предан работе» (ст. «Моя адаптация», пер. В. Поповича).

«*I wiernie malować kwiaty i drzewa*» (чтобы смотреть и верно изображать цветы и деревья) — «Подражал и цветам, и деревьям» (ст. «Моя адаптация», пер. В. Поповича).

«*Ale te z rzeczywistych zmieniały się w rośliny rajskiego ogrodu*» (Но они из действительных превращались в растения райского сада) — «И там все мерещилась в каждом растении рая химера» (ст. «Моя адаптация», пер. В. Поповича).

«*Nie zawsze tej samej*» (Не всегда той же самой) — «Порою — неузнанной обликом» (ст. «Ангел-Хранитель», пер. В. Поповича).

«*Wie, że ja, cielesny, potrzebuję miłosnego dotyku*» (Он знает, что я, телесный, нуждаюсь в любовном касании) — «Знает: я плотью желаю ее неизменно» (ст. «Ангел-Хранитель», пер. В. Поповича).

«*Nie łączymy naszych członków*» (Мы наших членов не соединяем) — «Касания нет между нами» (ст. «Ангел-Хранитель», пер. В. Поповича).

«*Wysłuchaj mnie, Panie, bo jestem grzesznikiem, a to znaczy, że nie mam nic prócz modlitwy*» (Выслушай меня, Господи, ибо я грешен, а это значит, что нет у меня ничего, кроме молитвы) — «Господи, только послушай: кто грешен в силе деяний, тихой молитвой утешен» (ст. «Внемли», пер. В. Поповича).

«*Wie, że ja, cielesny, potrzebuję miłosnego dotyku*» (Он знает, что я, телесный, нуждаюсь в любовном касании) «Знает: я плотью желаю ее неизменно» (ст. «Ангел-Хранитель» перевод В. Поповича) — в этом случае замена будет лексико-грамматической трансформацией, так как поменяется категория рода как у местоимения, так и в глаголе, а дух ангела не просто является в облике женщины, но и становится таковой.

«*Nie potrafię przypomnieć sobie żadnego Twego cudu*» (Не сумею припомнить ни одного Твоего чуда) «Я не припомню Твоей ни единой заслуги» (ст. «Внемли», пер. В. Поповича).

Встречаются примеры **генерализации**, например, в стихотворении «Выслушай» такие понятия как «*oschłości i niemocy*» (иссушение и бессилие) объединяются В. Поповичем в «истощение». Это соединяет два разных понятия в одно, более сильное, что может служить для усиления чувства, однако, возможно, автор хотел передать именно множественность сильных ощущений. Мы не можем говорить об оправданности или наоборот переводческой вольности в данном случае.

В том же стихотворении названия цветов «*ani piwonie, żonkile i irysy*» (ни пионы, нарциссы и ирисы) объединяются в «потoki цветов». С одной стороны мы теряем образ каждого отдельного цветка, его цветовую палитру,

и благородность подобранного ряда, с другой — представляем яркие, разноцветные букеты с большим разнообразием.

«*Jedynie siostrę sprzed naszego wygnania*» (только сестру времен до нашего изгнания — имеется ввиду Ева — библейская первая женщина, поддавшаяся соблазну Змея Искусителя), — В. Попович переводит: «женщину» — Ева становится абстрактной любой женщиной. В таком переводе есть и преимущества, и недостатки.

В сборники нам встретился один польский экзотизм — элемент польского быта, переводимый дословно, но не имеющий своего аналога в русском языке, например, «*kościół*» — «костел» (ст. «*Kasia*» — «Кася», пер. А. Ройтмана).

А. Ройтман использовал транскрибирование для передачи имен: «*Adam Mickiewicz*», «*Jakoba Böhme*», «*Adam Kadmon*».

Некоторые научные термины, употребляемые Ч. Милошем на латинском языке, были оставлены А. Ройтманом без изменений: «*Homo ritualis*», «*homoousios*», «*homoiousios*».

2.3. Проблемы передачи грамматического своеобразия поэзии Чеслава Милоша в переводах на русский язык

Польский и русский в грамматическом плане имеют много общих черт. Оба языка произошли от общего предка — старославянского. Однако со временем порядок слов в русском языке стал более свободным. Чтобы это увидеть, достаточно сравнить системы спряжения глаголов. Однако оба языка относятся к синтетическому языковому строю, что устраняет ряд проблем при формально точном грамматическом переводе. Конечно, полного соответствия в переводе достичь не всегда удаётся, несмотря на их родство, но можно максимально приблизиться к этому.

Рассмотрим примеры явного грамматического несоответствия в переводе стихотворений Чеслава Милоша из сборника «Второе

пространство» В. Поповича и расхождения с приближенным к подстрочнику переводом А. Ройтмана.

Перестановка, или изменение порядка слов и словосочетаний в структуре предложения, используется во всех переводах. В переводах А. Ройтмана её употребление практически незаметно, чаще всего местами переставляются два соседних слова «*gotów będę*» (букв. ‘буду готов’), «*kiedy za obłok chowało się słońce*» (букв. ‘когда за облако скрывалось солнце’). Значительно реже встречаются случаи, когда в тексте оригинала выносятся главное существительное «песня» и дальше идет перечисление его признаков, а в переводе А. Ройтмана главным становится местоимение «она», которое характеризуется как песня, имеющая определенные признаки: «*była pieśnią żalobną i proszalną*» (букв. ‘была песня скорбной и умоляющей’) «была она скорбной и умоляющей песнью», пер. А. Ройтмана. Это связано с тем, что для польского языка, как и для русского, характерен относительно свободный порядок слов. Переводчик использует её для сохранения авторского ритма. Однако В. Попович достаточно часто прибегает к этому приему. Скорее всего, это связано с тем, что оригиналы стихотворений написаны верлибром, при переводе которого не требуется сохранять порядок слов для соблюдения стихотворного размера и сохранения рифмы. И даже напротив, В. Попович пытается в своём переводе её создать, а так как в языках существует расхождение в системе ударений, то для создания метра необходимо ставить слова в соответствии с количеством слогов и учитывать их слабую и сильную позицию. В стихотворении «Выслушай», строки: «*Wysłuchaj mnie, Panie, bo jestem grzesznikiem, / a to znaczy, że nie tam nic prócz modlitwy*» («Выслушай меня, Господи, ибо я грешен, / а это значит, что нет у меня ничего, кроме молитвы», — пер. А. Ройтмана), — В. Попович переводит как: «Господи, только послушай: кто грешен / в силе деяний, тихой молитвой утешен».

Грамматическая **перестановка** частицы *czy* (‘ли’) вызвана объективными причинами, поскольку в русском языке, в отличие от

польского, вопросительная частица является энклитикой и не может находиться в начале предложения или речевого такта. Например, в стихотворении «Koleżanka» (‘Подруга’): «*Czy ten sen tyle znaczy, że jej pożądałem?*» (букв. ‘Этот сон означает, что её я желал?’), в переводе А. Ройтмана: «Значит ли этот сон, что её я вождеделел?». Мы (при буквальном переводе) воспользовались приёмом опущения; А. Ройтман согласно правилам грамматики русского языка убирает частицу *li* из начала предложения и ставит её после глагола.

«*Czy jestem teraz wyzwolony?*», — «Свободен ли я теперь?» (ст. «*Piękna nieznajoma*» — «Прекрасная незнакомка», пер. А. Ройтмана).

Следующим важным приемом является прием **опущения**. При переводе опущению подвергаются чаще всего слова, являющиеся семантически избыточными, то есть передающие значения, которые могут быть понятны без их присутствия. Так, в ранее рассмотренных нами строках, опущению подвергается форма личного местоимения «у меня», указывающая на конкретное лицо, а также целая грамматическая основа «нет». Переводчик заменяет эту конструкцию утешением, молитвой. В данном случае можно говорить об утрате точного смысла текста оригинала, но сохранении приблизительного. «*Kiedy otoczą mnie szydercy, a ja przeciw ich argumentom nie potrafię przypomnieć sobie żadnego Twego cudu*» (дословно «Когда окружают меня насмешники, а я против их аргументов не смогу припомнить себе любое Твое чудо») «Когда обступят меня насмешники, а я, вопреки их аргументам, не сумею припомнить ни одного Твоего чуда», — в переводе А. Ройтмана опущено только местоимение «себе». «Ибо тогда для хулителей, в тесном их круге, я не припомню Твоей ни единой заслуги» (ст. «Внемли»), — в этом отрезке стихотворения В Попович оставляет лишь конструкцию, отражающую сомнение лирического героя в своей вере, и убирает часть, которая отражает причину сомнений.

В данных стихотворениях интересным будет прием **дополнения**. Так как обычно он представляет собой «додуманную» переводчиком часть текста

для большей образности и полноты изображаемой сцены (то есть обычно является примером лексической трансформации), а в переводах А. Ройтмана и В. Поповича дополнение носит грамматический характер. Связано это с тем, что глаголы в польском языке имеют большее количество форм, чем в русском, а, следовательно, передают и большее число грамматических значений. Например, глагол «*udawałem*» дословно переводится как «я делал вид», то есть он включает в себе значение: личного местоимения и составного именного сказуемого. А также несет в себе семантику прошедшего времени, первого лица, единственного числа, мужского рода.

Другие примеры грамматического дополнения:

«*Uciekałem*» — «я убежал» (ст. «Неприспособленность», пер. А. Ройтмана).

«*Zmieniali*» — «они превращались» (ст. «Неприспособленность», пер. А. Ройтмана).

«*Ceniłem*» — «ценил я» (ст. «Неприспособленность», пер. А. Ройтмана).

«*Zapomnieliśmy*» — «мы позабыли» (ст. «Поздняя зрелость», пер. А. Ройтмана).

«*Czy w jego wierszach uwodziły mnie?*», — в данном случае А. Ройтман переводит частицу *czy* как «что»: «Что обольщало меня в его стихах?» (ст. «*Mistrz mego rzemiosła*» — «Мастер моего ремесла»).

Также к грамматической трансформации можно отнести **парцелляцию**: «*I nebo, na którym słońce znaczu miłość*», — «И небо. И солнце на нём означает любовь» (ст. «Ja» — «Я», пер. А. Ройтмана).

3. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ПОЭЗИИ ЧЕСЛАВА МИЛОША

Современное языкознание сейчас находится на новой ветке своего развития. Благодаря языковедам нескольких столетий человечеству известны не только основные теории существующего языка (например, теории о реализме, номинализме и концептуализме, которые раскрывали языковые процессы соотнесения мира вещей с миром названий — универсалий), но и ответы на вопросы о человеческом языке в общем. Постепенно языкознание начало переходить от академического знания к философии языка и от общего языкознания к частному (к восприятию языка конкретным человеком). Иосиф Бродский считал, что к совершенному знанию языка нас приближает совершённое знание текстов хотя бы одного поэта [9]. Для того, чтобы овладеть знанием о языке рассмотрим творчество одного из философов языка — польского поэта Чеслава Милоша.

Исследование окказионализмов в произведениях современного польского поэта Чеслава Милоша позволит нам провести всесторонний анализа функционального аспекта окказиональной лексики в художественных произведениях авторов, мастерски владеющих техникой словотворчества.

По словам польского поэта, язык является для него основной, безбрежной темой [59], поэтому в центр образной системы творчества Чеслава Милоша можно поставить «лингвистическую составляющую». Елена Евгеньевна Бразговская называет это явление переходом языка в систему персонажей произведений поэта. Подчёркивая, что он не только философ языка, но и поэт, Милош создаёт художественные, а не философские трактаты (кроме того, размышления о языке включены в стихотворения писателя) [8, с. 43]. В корпусе текстов Милоша содержатся различные высказывания о языке, в которых заключены такие основные идеи, как власть языка над поэтом, место языка в жизни человека и отношение языка с реальностью.

Однако язык не всегда выступает в качестве самостоятельного персонажа произведений, иногда он заключается в идейном уровне слова и выражается через его грамматику и семантику. Формальным выражением языка-персонажа философского уровня являются окказионализмы.

Использование окказиональной лексики широко распространено в произведениях Чеслава Милоша. Она является одной из особенностей идиостиля писателя, то есть индивидуального авторского стиля, в котором отражено его особое мировосприятие [19, с. 21].

Чеслав Милош создает индивидуально-авторские окказионализмы, используя как узуальные, так и окказиональные способы словообразования. Так, слово *spokój-wody* ('спокойствие-воды') образовано в результате словослияния; *nieprzystosowanie* ('неприспособленность' — является окказионализмом в польском языке), *odłączenie* ('отъединение', от слова *łączenie* 'единение') — префиксальным способом, а слова *zwierzęcość* ('звериность' от слова *zwierzę* 'зверь'), *koniowatość*, ('коневатость' от слова *koń* 'конь'), *wysokość* ('высокость' от *wysoki* 'высокий'), *niskość* ('низкость' от *niski* 'низкий') образованы суффиксальным способом.

Окказионализмы в текстах Чеслава Милоша являются инструментом выражения философии автора. Для более подробного анализа следует обратиться к индивидуальному авторскому словотворчеству и рассмотреть некоторые примеры из стихотворений писателя.

Окказионализм *spokój-wody* осуществляет функцию перевода свойств вещей в предметный мир, где предметы (вода — предмет реального мира) существуют вне характеристик, а свойства (спокойствие — абстрактное понятие) живут вне предметов. Если мыслить логически, то это слово должно обозначать спокойную воду. Однако данный окказионализм позволяет нам видеть «водо-спокойствие» разделяя его на два самостоятельных явления: вода и покой. То, что должно быть свойством предмета, а именно отражать состояние покоя, обретает самостоятельное предметное бытие.

Окказионализмы *‘звериность’* (*zwierzęcość*) и *‘лошадность’* (*koniowatość*) позволяют нам понять, что для Чеслава Милоша существует не только реальность физических форм, но и метафизическая реальность. Говоря о собственной стилистике, писатель отмечает, что как поэт, он наиболее успешен тогда, когда прикасается словом к земле (использует узуальную лексику), но одновременно его поэзия всегда была открыта метафизическому измерению. Таким образом, есть предмет реального мира — зверь, но есть и пространство абстракций, измерение, из которого к нам приходит зверь, в нём он ещё не имеет определённой формы, и его можно определить как *‘звериность’*; есть лошадь и её *‘лошадность’*. *‘Звериность’* имеет значение природного состояния человека, его сущность и происхождение. Происходит переход существительного из конкретного разряда в отвлеченные. Можно утверждать, что окказионализм *‘zwierzęcość’* выполняет в стихотворении Чеслава Милоша эстетическую функцию, так как он отчетливо демонстрирует умение автора мыслить художественными образами. Данный окказионализм выполняет три функции: служит транслятором философии писателя для читателя; становится проводником существительного из предметного мира, в мир, который можно осваивать только мысленно; эстетическую функцию.

Окказионализмы *wysokość* и *niskość* о втором пространстве души. Они сопоставляются с Небом (Раем) и Адом. После смерти душа должна куда-то попасть, она отделяется от тела, помнит, что раньше были *wysokość* и *niskość*, просит ей их вернуть. Суффикс *-ość* переводит высокое и низкое в разряд отвлеченных понятий, то есть наши высокие и низкие поступки теперь становятся пространством низости и высоты. Пространство низости — Ад, пространство высоты — Небо.

Окказионализм *nieprzystosowanie* в целом выполняет те же функции, что и *zwierzęcość*: при его образовании так же происходит переход от физического мира, в мир абстрактного понятия. Однако за счёт своего лексического значения выполняет ещё одну дополнительную функцию

экспрессии. Через слово «неприспособленность» мы ощущаем коннотацию безысходности. Автор передаёт нам переживание лирического героя.

В заключение мы можем сказать, что окказионализмы являются одной из важных черт авторского стиля писателя. Основными функциями окказиональных слов в корпусе текстов Милоша являются эстетическая, экспрессивная. С помощью словотворчества Чеслав Милош смог соединить миры физических предметов и абстрактных понятий. При помощи окказиональной лексики, которую Милош использует как инструмент, поэт транслирует свои философские идеи читателю.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Перевод — преобразование текста на одном языке в эквивалентный ему текст на другом языке при неизменном плане содержания. Особым видом перевода является художественный перевод, которому в отличие от лингвистического (характеризующегося дословностью переводимых слов) присущи творческий подход и отсутствие буквальности в переведенном тексте.

В ходе исследования нами были изучены лексические и грамматические особенности перевода характера.

Среди основных проблем художественного перевода следует выделить следующие проблемы как объективного, так и субъективного характера:

1) феномен множественности, обуславливающийся наличием нескольких лексических вариантов, нередко приводящим к лексическим и грамматическим трансформации;

2) невозможность сохранения буквальной точности;

3) требование адекватности и эквивалентности перевода;

4) необходимость сохранения национального колорита оригинала;

5) высокие требования к общей культуре переводчика, его знаниям о творчестве автора.

Также мы обратились к истории перевода польской литературы в России и пришли к выводу, что переводы польских поэтических произведений на сегодняшний день остаются малоизученными.

Сравнение подстрочного (дословного) перевода произведений Ч. Милоша с опытом художественного перевода А. Ройтмана и В. Поповича дает основание сделать вывод о том, что максимальная идентичность при передаче образной системы, лексико-семантических и структурно-синтаксических особенностей оригинала достигается переводчиками с помощью лексических и грамматических трансформаций.

Мы установили, что творческая личность переводчика, его речемыслительная культура, система взглядов на мир, время и условия жизни напрямую влияют на перевод.

Перевод во многом зависит и от целей, которые ставит перед собой переводчик в начале работы. Если он хочет изменить ритмическую картину произведения, как в случае с В. Поповичем, то, скорее всего, в таком случае отчетливо будет проявляться его индивидуальная лексика.

Основная трудность художественного перевода — умение создать одновременно точное, плавно звучащее стихотворение, в котором индивидуальный стиль переводчика будет малозаметен и направлен на решение переводческих проблем и создание произведения, не менее достойного, чем оригинальное.

Основным приемом лексических трансформаций в текстах сборника является замена. Для грамматического уровня наиболее частыми приемами оказались дополнение и перестановка. Это связано: с большим количеством глагольных форм в польском языке по сравнению с переводящим; с наличием особой установленной формой общего вопроса в польском языке, с использованием частицы *czy*; с особой формой возвратных глаголов в польском языке, предполагающей частицу *się*.

Всего проанализированных нами единиц 352: из них (86,04 %) переводческие трансформации, 10 (2,86 %) единиц было оставлено без перевода — латинские термины; 32 (9,12 %) единицы транслитерации — различные имена и 7 (1,99 %) окказиональных единиц, 1 экзотизм (0,58 %). В число переводческих трансформаций вошли: 79 (22,51 %) единиц дополнений; 60 (17,09 %) единиц замен; 72 (20,51 %) единицы опущений; 91 (25,93 %) единица перестановок.

Из приведенных выше подсчетов, мы можем сделать вывод о том, что переводческие трансформации наиболее часто происходят в процессе перевода. Реже мы сталкиваемся с авторскими словами, однако это не делает окказионализмы явлением менее сложными для перевода, так как они

заключают в себе: нарушение норм словообразования переводимого языка и индивидуальное мировоззрение поэта.

Единственное слово, обозначающее польский быт, говорит нам о Ч. Милоше, как о поэте поликультурном: он приобрел уникальное мировосприятие, впитав в себя польскую, американскую, литовскую и русскую реальность. Об этом свидетельствуют и слова, переданные при помощи транслитерации: сюда вошли имена известных людей Польши, Германии, Америки, Англии; и общие для всех культур имена персонажей античной мифологии.

Практически все переводческие трансформации (за исключением перестановки) отражаются на грамматическом уровне, поэтому мы можем говорить о их тесной взаимосвязи и невозможности разделить их при подсчете данных.

Наиболее многочисленную группу переводческих трансформаций составил прием перестановки. Это можно объяснить желанием переводчиков передать ритм стихотворений оригинала, что представляется сложным из-за разной системы слогового ударения.

Меньшую по численности группу составили переводческие трансформации, связанные с приёмом замены, что говорит о стремлении переводчика к лексической точности.

Ч. Милош относился к переводу серьезно, считал, что лучше пожертвовать формой, чем смысловым наполнением. Поэтому переводы А. Ройтмана, создававшего свои переводы под руководством поэта, можно считать наиболее эквивалентными.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адамчик, Н. В. Самый полный курс русского языка [Текст] / Н. В. Адамчик. — Н. В. Адамчик. — Минск : Харвест, 2008. — 848 с.
2. Алексеева, И. С. Введение в природоведение : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования [Текст] / И. С. Алексеева. — 6-е изд., стер. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : Академия, 2012. — 368 с.
3. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. — М. : КомКнига, 2007. — 399 с.
4. Баоцяо, С. Чеслав Милош и Иосиф Бродский: линии соприкосновения [Текст] / С. Баоцяо // Балтийский гуманитарный журнал. — 2016. — № 4. — С. 122—124.
5. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) [Текст] / Л. С. Бархударов. — М. : Междунар. отношения, 1975. — 240 с.
6. Белоусова, Е. А. Окказиональное слово как стилеобразующая черта произведений научной фантастики [Текст] / Е. А. Белоусова // Вестник Адыгейского государственного университета. — 2006. — № 2. — С. 179—181.
7. Бразговская, Е. Е. Визуализация абстракций: дополнительность семиотических кодов в поэтике трансцедентного [Текст] / Е. Е. Бразговская // Человек. Культура. Образование. — 2016. — № 2. — С. 194—204.
8. Бразговская, Е. Е. Сравнительные конструкции в поэме И. А. Бродского «Колыбельная Трескового мыса» [Текст] / Е. Е. Бразговская // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. — 2017. — № 1. — С. 100—103.
9. Бродский, И. А. Сочинения Иосифа Бродского [Текст] / И. А. Бродский, Г. Комаров, Я. А. Гордин. — СПб. : Пушкинский дом, 2001. — 126 с.

10. Булыгина, Т. В. Единицы языка [Текст] / Т. В. Булыгина. — М. : Наука, 1969. — 597 с.
11. Виноградов, В. В. Русский язык [Текст] / В. В. Виноградов. — М. : Наука, 1972. — 639 с.
12. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) [Текст] / В. С. Виноградов. М. : Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. — 224 с.
13. Витт, В. В. История польской литературы [Текст] / Акад. наук СССР, Институт славяноведения и балканистики ; ред. : В. В. Витт, И. С. Миллер, Б. Ф. Стахеев, В. А. Хорев. — М. : Наука, 1969. — Т. 2 — 504 с.
14. Гаспаров, М. Л. Очерк истории европейского стиха [Текст] / М. Л. Гаспаров. — М. : Фортуна Лимитед, 2003. — 272 с.
15. Гаспаров, М. Л. Современный русский стих: Метрика и ритмика [Текст] / М. Л. Гаспаров. — М. : Наука, 1974. — 486 с.
16. Графкова, Т. С. Словообразовательное калькирование иноязычных слов как источник создания синонимии в немецком языке (лингвистический и методический аспекты) [Текст] / Т. С. Графкова // Наука и школа. — 2011. — № 3. — С. 37—40.
17. Грищева, Е. С. Уровневая системность речевых новаций в современном русском языке [Текст] / Е. С. Грищева // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2010. — № 3. — С. 50—57.
18. Гронас, М. Лифшиц. Лосев. Loseff : сборник памяти Льва Лосева [Текст] / М. Гронас, Б. Шерр. — М. : Новое литературное обозрение, 2017 — 470 с.
19. Гусев, С. С. Наука и метафора [Текст] / С. С. Гусев. — Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1984. — 152 с.
20. Дурачински, Э. Польша — СССР, 1945—1989: избранные политические проблемы, наследие прошлого [Текст] / Э. Дурачински, А. Н. Сахаров. — М. : Институт Российской истории РАН, 2005 — 446 с.

21. Жабаева, Ю. А. Структурно-семантические и функциональные особенности окказионализмов В. Высоцкого [Текст] / Ю. А. Жабаева. — Саранск. : Московский гос. обл. университет, 2010. — 205 с.
22. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность [Текст] / Е. А. Земская. — М. : КомКнига, 2005. — 224 с.
23. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса [Текст] / Г. А. Золотова. — М. : Едиториал УРРС, 2003. — 366 с.
24. Иванова, С. С. К проблеме определения философско-художественного дискурса (на примере творчества Чеслава Милоша) [Текст] / С. С. Иванова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2014. — № 1 — С. 110—111.
25. Иванова, С. С. Репрезентация метафизического объекта bog в текстах Чеслава Милоша [Текст] / С. С. Иванова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2013. — № 3. — С. 29—30.
26. Иванова, С. С. Художественное философствование Чеслава Милоша [Текст] / С. С. Иванова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2011. — № 1 — С. 244—247.
27. Казакова, Т. А. Художественный перевод : учебное пособие [Текст] / Т. А. Казакова. — СПб. : ИВЭСЭП, Знание, 2002. — 122 с.
28. Ковалёва, Т. В. Художественный перевод и личность переводчика [Текст] / Т. В. Ковалёва // Идеи. Поиски. Решения : сборник статей VII Междунар. науч. практ. конф. (Минск, 25 ноября 2014 г.) ; отв. ред. : Н. Н. Нижнева. — Минск : БГУ, 2015. — С. 108—112.
29. Левицкая, Т. Р. Чем вызываются лексические трансформации в переводе? [Текст] / Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман // Тетради переводчика. Вып. XII. — М. : Междунар. отношения, 1975. — С. 50—69.
30. Лужный, Р. Древнепольская традиция в литературе русского Просвещения [Текст] / Р. Лужный // XVIII век. Русская литература XVIII века

и её международные связи. Памяти чл.-корр. АН СССР Павла Наумовича Беркова. — Л. : Наука, 1975. Вып. 10. — С. 176.

31. Масленников, Д. Б. Окказионализмы в футуристической поэзии и особенности их функционирования : дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Д. Б. Масленников. — Уфа, 2000. — 282 с.

32. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание [Электронный ресурс] / Ю. С. Маслов. — Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/ling/maslov.html> (дата обращения: 13.02.2019).

33. Милош, Ч. Второе пространство [Текст] / Ч. Милош; А. Ройтман. — М. : Азбука, 2010. — 208 с.

34. Мусиенко, С. Россия в жизни и творчестве Чеслава Милоша [Текст] / С. Мусиенко // День и вся жизнь: светлой памяти Виктора Александровича Хорина посвящается. — 2013. — № 1. — С. 185—193.

35. Мянговска, И. Из истории литературных отношений Ч. Милош и Е. Пуграмент [Текст] / И. Мянговска // Вестник Балтийского федерального университета им. Канта. — 2015. — № 8. — С. 103—115.

36. Мянговска, И. Культура и время в избранных местах из эпистолярия Милоша «Сразу после войны» [Текст] / И. Мянговска, Г. Л. Нефагина // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2012. — № 1. — С. 289—299.

37. Палласъ П. С. Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею всевысочайшей особы [Электронный ресурс] / П. С. Палласъ. — Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=DNxjAAAACAAJ&printsec=frontcover&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false.html (дата обращения: 12.10.2018).

38. Пелевин, В. Между притчей и ювелиром: «Придорожная собачонка» Чеслава Милоша [Электронный ресурс] / В. Пелевин. — Режим доступа: <http://pelevin.nov.ru> (дата обращения: 12.10.2018).

39. Пелихов, Д. А. Польский язык : учебное пособие [Текст] / Д. А. Пелихов, Н. А. Ведякова, Ч. А. Горбачевский. — 2-е изд., перераб. и доп. — Челябинск : Цицеро, 2018. — 134 с.
40. Полухина, В. Ритмы России в творчестве Иосифа Бродского / В. Полухина [Текст] // Знамя. — 2010 — № 10. — С. 1—3.
41. Попова, Н. В. Сочетания haben + zu + Infinitiv и sein + zu + Infinitiv в современном немецком языке и способы их перевода на русский язык : дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Н. В. Попова. — М., 1955. — 315 с.
42. Попович, В. Из книги «Второе пространство» [Электронный ресурс] / В. Попович. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/interpoezia/2014/1/13m.html> (дата обращения: 05.02.2019).
43. Пузренков, А. Флективный строй. Лингвистика и мировая поэзия [Электронный ресурс] / А. Пузренков. — Режим доступа: <http://wpoet.ru/лингвистика/флективный-строй.html> (дата обращения: 13.02.2019).
44. Рецкер, Я. И. Пособие по переводу с английского языка на русский : учебное пособие [Текст] / Я. И. Рецкер. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Просвещение, 1982. — 159 с.
45. Решке, Т. Чеслав Милош: поэзия, жизнь и судьба [Электронный ресурс] / Т. Решке. — Режим доступа: <https://vn.ru/news-101563.html> (дата обращения : 27.02.2019).
46. Рыбальченко, Т. Л. Славянская версия идеи «Центральной Европы»: Чеслав Милош [Текст] / Т. Л. Рыбальченко // Русин. — 2015. — № 3. — С. 128—144.
47. Савко, И. Э. Правила по русскому языку для студентов и учащихся [Электронный ресурс] / И. Э. Савко. — Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/11059> (дата обращения: 05.02.2019).

48. Степанов, Ю. С. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика) [Текст] / Ю. С. Степанов. — М. : Едиториал УРРС, 2002. — 359 с.
49. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика [Текст] / Б. В. Томашевский. — М. : Аспект Пресс, 1999. — 334 с.
50. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка Ушакова [Электронный ресурс] / Д. Н. Ушаков. — 2012. — Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения: 15.02.2019).
51. Фанайлова, Е. Он не был польским романтиком. Биограф Чеслава Милоша Анжей Франашек [Электронный ресурс] / Е. Фанайлова. — Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/24251143.html> (дата обращения: 01.02.2019).
52. Фёдоров, А. В. Основы общей теории перевода [Текст] / А. В. Фёдоров. — М. : Высшая школа, 1983. — 338 с.
53. Фёдоров, А. В. Приёмы и задачи художественного перевода [Текст] / К. И. Чуковский, А. В. Фёдоров // Искусство перевода. — Л. : Academia, 1930. — С. 89—235.
54. Членов, М. А. Праведники народов мира : большая российская энциклопедия : в 35 т. [Текст] / М. А. Членов ; под. ред. Ю. С. Осипова. — М. : Большая российская энциклопедия, 2015. — Т. 25. — 334 с.
55. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка [Текст] / Н. М. Шанский. — М. : Высшая школа, 1985. — 86 с.
56. Щерба, Л. В. Русско-французский словарь [Текст] / Л. В. Щерба, М. И. Матусевич. — М. : Москва, 1939. — 788 с.
57. Юшманов, Н. В. Ключ к латинским письменностям земного шара [Текст] / Н. В. Юшманов. — М. : Высшая школа, 1985. — 86 с.
58. Culture, P. Чёрный Ариэль — Милош в аду XX века [Электронный ресурс] / P. Culture. — Режим доступа: <https://culture.pl/ru/article/chernyy-ariel-milosh-v-adu-xx-veka> (дата обращения: 05.02.2019).

59. Lysenko, E. Analysis Of International, Federal And Regional Companies Siets, Having Activitis On The Terrytory Of Russian Federation [Текст] / E. Lysenko, I. Kovaleva. — 2016. — № 24. — С. 549—556.
60. Milosz, Cz. Listy [Текст] / T. Merton, Cz. Milosz. — Krakow : Znak, 2003. — 108 с.
61. Nemchenko, L. M. Herald-History [Текст] / L. M. Nemchenko // Vestnik Permskogo Universiteta-Istoria-Perm Universiti. — 2017. — № 2. — С. 99—105.

**РАЗРАБОТКА ЗАНЯТИЯ КРУЖКА «ОСНОВЫ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА»**

**Программа кружка «Основы художественного перевода»
Пояснительная записка**

Владение иностранным языком повышает уровень гуманитарного образования обучаемых, способствует формированию личности и ее социальной адаптации к условиям постоянно меняющегося поликультурного, полиязычного мира. Владение иностранными языками расширяет лингвистический кругозор учащихся, способствует формированию культуры общения, содействует общему речевому развитию учащихся. В этом проявляется взаимодействие всех языковых учебных предметов, способствующих формированию основ филологического образования школьников.

Примерная программа нацелена на реализацию личностноориентированного, коммуникативно-когнитивного, социокультурного деятельностного подхода к обучению иностранным языкам (в том числе польскому языку). Специфика изучения польского языка заключается в том, что он является родственным языком по отношению к русскому, т. е. относится к славянской семье языков, а именно к западнославянской группе, и имеет вместе с русским языком один язык-предок — праславянский. Этим обусловлены и специфические задачи его изучения:

- 1) углубиться в специфику русского языка через освоение одного из родственных славянских языков;
- 2) познакомиться с другой, близкородственной славянской культурой через изучение нового славянского языкового мира;

3) заложить основы для применения в учебной деятельности и развитии методов сравнения, сопоставления, контрастного анализа фактов двух родственных языков на разных языковых уровнях.

Личностно-ориентированный подход, ставящий в центр учебновоспитательного процесса личность ученика, учет его способностей, возможностей и склонностей, предполагает особый акцент на социокультурной составляющей иноязычной коммуникативной компетенции. Такой подход должен обеспечить культуроведческую направленность обучения, приобщение школьников к культуре страны/стран изучаемого языка, лучшее осознание культуры своей собственной страны, умение ее представить средствами иностранного языка, включение школьников в диалог культур.

Кружок рассчитан на 66 часов, по 2 часа в неделю.

Цели обучения польскому языку

В соответствии с федеральным компонентом государственного стандарта общего образования по иностранному языку изучение иностранного языка в целом и польского языка в частности в средней школе направлено на достижение следующих целей:

- 1) обеспечить развитие личности ребенка, его речевых способностей, внимания, мышления, памяти и воображения;
- 2) сформировать умение общаться на иностранном языке с учетом речевых возможностей и потребностей школьников: элементарных коммуникативных умений в говорении, аудировании, чтении и письме;
- 3) создать условия для ранней коммуникативно-психологической адаптации школьников к новому языковому миру и для преодоления в дальнейшем психологических барьеров в использовании иностранного языка как средства общения, для развития мотивации к дальнейшему овладению иностранным языком;

4) сформировать элементарные лингвистические представления, развитие речевых, интеллектуальных и познавательных способностей школьников, а также общеучебных умений.

Являясь существенным элементом культуры народа — носителя данного языка и средством передачи ее другим, иностранный язык способствует формированию у обучаемых целостной картины мира.

Календарно-тематическое планирование занятий кружка перевода в 9 классе

№ п/п	Тема	Трудоемкость
1.	Семья, взаимоотношения в семье, с друзьями. Возраст. Имя. Мой дом. Одежда	6 часов
2.	Досуг и увлечения. Виды спорта и спортивные игры. Домашние животные	6 часов
3.	Школа и школьная жизнь. Каникулы. Времена года. Время суток плюс часы дня и ночи, сезоны и погода	14 часов
4.	Родная страна и Польша. Москва и Варшава, их достопримечательности. Национальность. Литературные персонажи. Живопись. Музыка. Кинематограф. Писатели и поэты	40 часов

Конспект занятия кружка «Русско-польский перевод» в 9 классе

Тема 4: Литературные персонажи. Количество часов — 6.

Занятие 2. Тема занятия: Проблема перевода поэзии Чеслава Милоша: лексико-грамматический аспект.

Основное содержание. Понятия: Окказионализм. Переводческая трансформация. Нормы словообразования.

Виды деятельности: Сопоставление переводов. Выразительное чтение. Сопоставление текста-оригинала и текста-перевода.

Цель: обобщить и систематизировать знания по теме «Лексико-грамматические трансформации. Окказиональная лексика в переводе».

Задачи:

1) продолжить формирование знаний о лексико-грамматических трансформациях и окказиональной лексики путем составления сравнительной таблицы переведенного варианта с языком оригинала;

2) начать формирование навыков точного перевода художественных текстов с помощью выполнения подстрочных переводов стихотворения Ч. Милоша;

3) продолжить работу над воспитанием любви к славянским языкам путем проведения мини-конкурса чтецов стихотворений Ч. Милоша на польском и русском языках.

Тип занятия: закрепление изученного.

Методы и приемы: метод беседы, метод упражнения.

Форма организации учебной деятельности: фронтальный опрос, групповая работа, самостоятельная работа.

Средства обучения: сравнительно-сопоставительная таблица; раздаточный материал.

Методическое обеспечение занятия: рабочая программа кружка русско-польского перевода, план занятия, раздаточный материал к занятию.

Ход занятия

Этап урока	Время	Содержание	Примечания
I. Орг. момент	2 мин.	<p>У: Здравствуйте, ребята! Мы с вами уже начали большой раздел перевода. Давайте вспомним, как он называется?</p> <p>У: <i>Раздел «Лексико-грамматические трансформации. Окказиональная лексика в переводе».</i></p> <p>Учитель: Правильно. Давайте теперь запишем тему сегодняшнего урока «Проблема перевода поэзии Чеслава Милоша: лексико-грамматический аспект».</p>	Доска, тетради

<p>II. Актуализация опорных знаний</p>	<p>10 мин.</p>	<p>Учитель: Ребята, посмотрите внимательно на нашу тему и скажите, что вам уже известно о лексико-грамматических проблемах перевода? Ученик 1: При переводе некоторых слов и синтаксических конструкций отсутствует возможность их дословного перевода, при этом теряется речевая культура языка оригинала. Ученик 2: Несоответствие между переводимым и переводящим языком называется переводческими трансформациями. Под этим термином следует понимать межъязыковые преобразования, требующие перестройки на лексическом, грамматическом или текстовом уровне. Ученик 3: В процессе перевода встречаются трансформации 4 элементарных типов:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) перестановки; 2) замены; 3) добавления; 4) опущения. <p>Ученик 4: Существуют межъязыковые омонимы и паронимы - пара слов в двух языках, похожих по написанию и/или произношению, часто с общим происхождением, но отличающихся в значении. Ошибку в переводе таких слов обычно допускают переводчики-любители.</p> <p>Учитель: Молодцы! То есть, можно сказать о том, что дословный перевод всех языковых единиц невозможен. Поэтому, чтобы передать максимально приближенный смысл текста языка оригинала, надо хорошо знать состав слов, их строение и лексическое значение в польском и в русском языках, знать синтаксические нормы построения предложений двух языков.</p>	<p>Доска, тетради</p>
<p>III. Обобщение и систематизация знаний</p>	<p>5 мин.</p>	<p>Учитель: Ребята, вы уже знаете из общего курса русского языка, что существует три вида образования новых слов. Что это за виды? Ученики: Это <i>узуальный, потенциальный и окказиональный</i>. Учитель: Да, вы совершенно правы. Сегодня мы остановимся с вами на окказиональном, так как исследуем творчество Ч. Милоша. Давайте запишем с вами определение окказионализмов. Итак, окказионализм — индивидуально-авторский</p>	

		<p>неологизм, созданный поэтом или писателем согласно существующим в языке словообразовательным моделям и использующийся исключительно в условиях данного контекста, как лексическое средство художественной выразительности или языковой игры.</p> <p>Скажите, какое значение имеет окказионализм для нас как для переводчиков?</p> <p>Ученики: <i>Окказионализмы (исходя из определения) строятся по словообразовательным моделям языка, то есть при помощи морфем, иногда с учетом их значения в языковой культуре, иногда произвольно, с учетом авторского восприятия языка и мира. То есть при переводе окказионального слова мы должны руководствоваться не только нормами двух языков, но и знаниями о стиле автора и о его мировоззрении.</i></p> <p>Учитель: Молодцы, вы все правильно говорите. Давайте перейдем к практическому закреплению наших знаний.</p>	
IV. Применение знаний и умений в новой ситуации	8 мин.	<p>Учитель: Итак, сейчас мы с вами составим сравнительно-сопоставительную таблицу, в которую вы выпишете переводческие трансформации из текстов, которые я вам раздам. Запишите: упражнение №1.</p> <p>Вам даны тексты двух стихотворений Чеслава Милоша и их переводы, взятые из сборника «Второе пространство». Вы должны найти переводческие трансформации и, распределив их по видам, записать в тетрадь. Затем, каждый из вас сравнит их между собой и напишет краткий вывод. После чего вы сможете обсудить ваши умозаключения между собой, и записать наиболее интересные для вас.</p>	Презентация, тетради, разрезной материал
IV. Применение знаний и умений в новой ситуации	5 мин.	<p>Учитель: Очень хорошо! Вы сделали все правильно.</p> <p>А теперь давайте узнаем, что может повлиять на вариант перевода. Прочитайте стихотворение Чеслава Милоша «Ангел-хранитель» («ANIOŁ STRÓŻ») и переводы этого стихотворения на русский язык. Кто, на ваш взгляд, наиболее полно справился с переводческой задачей? Обратите</p>	Презентация, тетради, учебники, разрезной материал

		<p>внимание на перевод названия рассказа.</p> <p>Ученик: Мне кажется, что перевод Анатолия Ройтмана наиболее приближен к языку оригинала, здесь наиболее полно передаётся стиль автора и речевая культура польского языка.</p> <p>Ученик: Мне тоже так кажется, хочу добавить, что в данном варианте перевода нами было найдено наименьшее количество переводческих трансформаций.</p>	
IV. Применение знаний и умений в новой ситуации	10 мин.	<p>Учитель: Молодцы, ребята! Вы отлично справились с заданием. А теперь давайте закрепим навыки чтения на польском языке и заодно насладимся выразительным чтением стихотворений. Сейчас каждый из вас прочитает у доски стихотворение, которое нашел дома. Слушайте чтецов внимательно, так как после мы постараемся перевести стихотворение, прозвучавшее у доски.</p>	
VI. Подведение итогов	5 мин.	<p>Учитель: Молодцы, ребята! Вы отлично справились с заданием.</p> <p>Бесспорно, перевод литературных произведений — это один из важнейших направлений переводческой деятельности. Ч. Милош — прекрасный поэт и философ языка, через его творчество мы можем понять культуру польского человека.</p> <p>Теперь вы знаете, как важно профессионально подходить к вопросу перевода художественного произведения. Важно наиболее точно передавать слова автора, чтобы не внести в оригинал произведения свою личность и свою языковую культуру.</p> <p>Дома подготовьте доклад об индивидуальном стиле письма вашего любимого польского писателя, найдите его авторские слова, расскажите про традицию переводов его стихотворений.</p> <p>Спасибо за урок!</p>	

Разрезной материал к занятию

Задание 1.

NIEPRZYSTOSOWANIE

Nie nadawałem się życia gdzie indziej niż w Raju.

Po prostu takie było moje genetyczne nieprzystosowanie.

Na ziemi ukłucie się kolcem róży zmieniało się w ranę, za każdym razem kiedy za obłok chowało się słońce, czułem smutek.

Udawałem, że jak inni pracuję od rana do wieczora, ale nieobecny, powierzony niewidzialnym krajom.

Dla pociechy uciekałem do miejskich parków, żeby patrzeć i wiernie malować kwiaty i drzewa, ale te z rzeczywistych zmieniały się w rośliny rajskiego ogrodu.

Nie pokochałem kobiety moimi pięcioma zmysłami, chciałem w niej widzieć jedynie siostrę sprzed naszego wygnania.

Religię ceniłem za to, że na tej ziemi bólu była pieśnią żałobną i prośbalną.

НЕПРИСПОСОБЛЕННОСТЬ

Я не годился для жизни нигде, кроме как в Раю.

Просто такой была моя генетическая неприспособленность.

На земле укол шипом розы превращался в рану, всякий раз, когда солнце скрывалось за тучу, я испытывал грусть.

Я делал вид, что, как другие, тружусь с утра и до вечера, но отсутствующий, невидимым вверенный странам.

Для утешения я убегал в городские парки, чтобы смотреть и верно изображать цветы и деревья, но они из действительных превращались в растения райского сада.

Женщину не полюбил я моими пятью чувствами, хотел я в ней видеть только сестру времен до нашего изгнания.

Религию ценил я за то, что на этой земле боли была она скорбной и умоляющей песнью.

Перевод: А. Ройтмана

WYSLUCHAJ

Wysłuchaj mnie, Panie, bo jestem grzesznikiem, a to znaczy, że nie mam nic prócz modlitwy.

Uchronź mnie od dnia oschłości i niemocy.

Kiedy ani lot jaskółki, ani piwonie, żonkile i irysy na rynku kwiatowym nie będą dla mnie znakiem Twojej chwały.

Kiedy otoczą mnie szydery, a ja przeciw ich argumentom nie potrafię przypomnieć sobie żadnego Twego cudu.

Kiedy wydam się sobie oszustem i szalbierzem, ponieważ biorę udział w religijnych obrzędach.

Kiedy Ciebie oskarżę o ustanowienie powszechnego prawa śmierci.

Kiedy już gotów będę pokłonić się przed nicością i życie na ziemi nazwać diabelskim wodewilem.

ВЫСЛУШАЙ

Выслушай меня, Господи, ибо я грешен, а это значит, что нет у меня ничего, кроме молитвы.

Избавь меня от дня иссушения и бессилья.

Когда ни полет ласточки, ни пионы, нарциссы и ирисы на цветочном базаре не будут для меня знаком Твоей славы.

Когда обступят меня насмешники, а я, вопреки их аргументам, не сумею припомнить ни одного Твоего чуда.

Когда себе покажусь обманщиком и шарлатаном, так как участвую в религиозных обрядах.

Когда Тебя обвиню в установлении всеобщего закона смерти.

Когда уже буду готов склониться пред небытием и жизнь на земле назвать дьявольским водевилем.

Перевод: А. Ройтмана

Задание 2.**ANIOŁ STRÓŻ**

Mój anioł stróż przybiera we śnie kształt kobiety.

Nie zawsze tej samej. Wie, że ja, cielesny,

Potrzebuję miłosnego dotyku.

Nie łączymy naszych członków,

Ale jest bliskość i dobre porozumienie.

Nie wierzyłem w obecność aniołów, ale sny się odmieniły.

I kiedy niedawno znalazłem podziemną grootę ze skarbami,

Razem przesuwalіśmy worki, a ja prosiłem

O jeszcze chwilę snu dającego spokój.

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Мне ангел является женщиной в снах.

Порою — неузнанной обликом. Знает: я плотью

Желаю ее неизменно.

Касания нет между нами,

Но ближе того наша с ним нетелесная связь.

Я ангелов сущность и явь отвергал,

но жалею теперь:

Под землю пещеру нашел, драгоценные тяжести в ней.

И, себя и его нагружая их весом, я только молю

О недолгом покое, о прежнем моем забытии.

Перевод В. Поповича

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Мой ангел-хранитель во сне принимает облик женщины.

Не всегда той же самой. Он знает, что я, телесный,

Нуждаюсь в любовном касании.

Мы наших членов не соединяем,

Но есть близость и взаимное понимание.

Я не верил в присутствие ангелов, но сны изменились.

И когда я недавно нашел грот подземный, полный сокровищ,

Передвигали мы вместе мешки, и я умолял

Еще о мгновении сна, дающего покой.

Перевод А. Ройтмана